

tions about beauty of the native land in many respects form such notional components of the concept as «protection of the native land», «gratitude to the native land».

Key words: linguistic conceptology, national world picture, concept, national component, semantic sign.

УДК – 81

Дмитриева Н.В.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ ОРНИТОНИМОВ*

Аннотация. В статье представлены группы типовых словообразовательных парадигм орнитонимов. Можно выделить 12 таких групп, включая группы с нулевым словообразовательным потенциалом и группы с огромным количеством дериватов. Анализ подобных групп позволяет спрогнозировать словообразовательный потенциал различных частей речи.

Ключевые слова: словообразовательная парадигма, орнитоним, словообразовательный потенциал, заимствование, словосочетание.

Анализируя типовые словообразовательные парадигмы наименований птиц, выделим несколько основных групп, среди которых преобладающими являются группы с «дефектными» парадигмами.

1. В первую группу входят орнитонимические лексемы, обладающие низкими словообразовательными возможностями. Имеют наименьший словообразовательный потенциал имена существительные – названия птиц неизменяемые, такие как: *какаду, киви, фламинго, марабу, тинаму, эму* и другие. Их группа малочисленна. Они непроемчивы и лишены словообразовательной структуры. Как правило, это названия таких представителей пернатого царства, которые не встречались и не встречаются непосредственно носителям русского языка в повседневной реальности, ибо не обитают в природных условиях нашей местности. Поэтому данные орнитонимы являются заимствованными из языков народов тех местностей, откуда эти птицы родом: так, слово *колибри* пришло в русский язык из карибского языка, *эму* – из португальского, *какаду* – из малайского, *фламинго* – также из португальского языка.

От подобных названий птиц невозмож-

но даже образование притяжательных имен прилагательных. Мы можем сказать: «*перо фламинго*», но неверным будет образовать такое словосочетание, как *фламинговое перо* (подобное имя прилагательное можно встретить только в разговорной речи, что, конечно же, будет речевой ошибкой).

В плане дальнейшего словообразования такие слова являются «застывшими». Можно выделить только два возможных способа появления производного слова. Во-первых, это образование окказионализма для его использования в определенных стилистических целях в литературном произведении какому-нибудь писателя. Во-вторых, присоединяя к исходному неизменяемому орнитониму суффиксоид *-образн*, получаем родовые собирательные наименования: *тинамуобразные, колибриобразные*.

Словообразовательные гнёзда таких имён существительных по своему объёму зачастую являются *нулевыми*. Они образуются по такой словообразовательной модели, которая является непроемчивой.

Единственным исключением в данном ряду слов является орнитоним *колибри*, обладающий значением «детеныш»:

колибри, нескл., м. и ж. р.
 колибри - *н/енок* колибр – ёнок
 [2, с. 457].

2. В то же время в современном русском языке существует огромное число имён существительных – орнитонимов, которые, хотя и не являются неизменяемыми, но также либо непроемчивы, либо образуют только притяжательные имена прилагательные. Сюда относятся как заимствованные из других языков названия птиц (например, *казуар* [нем. *casuar*, франц. *casuar* из малайского], *альбатрос* [франц. *albatross*], *гриф* [греч. *gryps*], *кондор* [исп. *condor*], *сарыч* [тюрк. *сарыча*], *сип* [от греч. *geps (gepos)* – *коршун*], *вальд-*

* © Дмитриева Н.В.

шнел [нем. *waldschneffe*], *кроншнел* [нем. *kronschneffe*], так и исконно русские наименования: *чернозобик, песочник, мухоловка, чечетка, чекан, поморник, сплюшка, сойка, славка, лысуха, канюк, дергач, зимородок, коноплянка, неясать, пищуха, щур, камышовка, кедровка, удод, лирохвост, козодой, оляпка, варакушка, рябок, чибис, турухтан, лунь, кречет.*

В словообразовательные парадигмы подобных имён существительных – наименований птиц – входят производные слова – прилагательные со словообразовательным значением «принадлежащий птице», «свойственный птице»:

гриф I

гриф-ов (ый)

грифов – ые [2, с. 262].

3. Группа слов, обладающих только двумя значениями: «самка» и «принадлежность»: *клест, дубонос.*

клест

/ клест-ов/ка

клест -ов – ый [2, с. 445].

Таким образом, от данных слов образуются только притяжательные прилагательные и слова, обозначающие самку этого вида птицы.

4. Наименования птиц, имеющих в значении «принадлежность», помимо прилагательных, собирательные существительные со значением отношения к определённом роду, виду, отряду: *гагары, гаги, грифоны.*

Особо следует заострить внимание на образовании собирательных имён существительных от названий птиц. Они образуют их путём трансформации, когда звуковая оболочка производного не конструируется, она совпадает со звуковой оболочкой производящего; звуковая сторона последнего и используется для материализации нового идеального содержания: *Раньше гуменника во второй половине сентября летит лебединый гусь* (М. Пришвин. *Золотой Рог*, Ч. 3, гл. 26).

Лишь небольшая группа собирательных имён существительных, обозначающих совокупность птиц, образовалась аффиксальным способом (*вороньё, коршуньё, петушня*): *Петушня орёт по селу. Суetyятся люди, торопятся, опаздывают* (В. Шукшин. В профиль и анфас).

5. Значениями «уменьшительность», «детеныш», «принадлежность», «свойство» представлены конкретные словообразовательные парадигмы имён существительных – названий птиц *кулик, галка*:

кулик

кулич-ок кулич-онок кулич-ий [2, с. 515].

6. Только лексическими значениями «детеныш», «принадлежность» обладают словообразовательные парадигмы слов *пингвин, дрозд, дятел*:

дятел

дятл-ёнок

дятл - ов

дятл -ов-ый [2, с. 333].

7. Значения «уменьшительность», «оценочность», «свойство», «принадлежность» присутствуют в конкретных словообразовательных парадигмах имён существительных *куропатка, зяблик*:

куропатк(ь)

куропаточ - к - а куропатк-ов(ый) /куропатков - ые, суц. куропаточ-ий куропатч-ий [2, с. 520].

8. Значения «уменьшительность», «оценочность» наличествуют в парадигмах слов *пичуга, пенка*: *пичуг(а)*

пичуж-к(а)

пичужеч - к - а [2, с. 761].

9. Имеется обширная группа имён существительных, обладающих значениями «детеныш», «уменьшительность», «свойство», «принадлежность», а также значением «сравнение»: *гоголь, жаворонок, коршун, индюк* и другие.

жаворонок

жавороноч - ек

жаворонк - ов

жавороноч - ий /по-жавороночьи жавороноч-н-ый [2, с. 341].

10. Обширным рядом значений обладают словообразовательные парадигмы существительных *лебедь, журавль*. У них имеется лексическое значение «мясо»: *лебедятина, журавлятина*.

11. У существительных *перепел, кукушка* появляется в парадигме значение «лицо»: *кукушатник, перепелятник*.

12. И, наконец, полными парадигмами обладают следующие имена существительные – наименования птиц: *курица, воробей, голубь, гусь, утка, ворона, ворон, орел, сокол, попугай, сорока* и т. д. Птицы – носители данных номинаций – наиболее часто встречаются носителям русского языка и являются важными для различных сфер человеческой деятельности. Именно поэтому им и присуще наибольшее количество значений.

Рассмотрение типовой словообразовательной парадигмы и конкретных словообразовательных парадигм позволяет, таким образом, выявить «пустые места» в русской

словообразовательной и – более того – в лексической системе и объяснить их существование. Используя это понятие, можно определить словообразовательный потенциал различных частей речи, а не только имен существительных – названий птиц, их лексико-грамматических разрядов и лексико-грамматических групп, выявить дефектные парадигмы, предсказать появление новых слов.

Из вышеизложенного следует, что понятие словообразовательной парадигмы обладает большой обобщающей и прогнозирующей силой. Слова, образующиеся от исходных орнитонимов, являются потенциальными. Они заполняют пустые клетки словообразовательных парадигм и образуются по продуктивным словообразовательным типам. Если мы знаем о вхождении в типовую словообразовательную парадигму лексем с теми или иными деривационными значениями, то можем ожидать их возникновения от любого слова данной лексико-семантической группы, что является весьма существенным моментом при выявлении словообразовательного потенциала орнитонимов. Как было отмечено ранее Е.С. Кубряковой, «... производные существительные развивают огромное

количество специализированных значений. Связанные более тесно с предметным миром, они характеризуются такими разнообразными значениями, что классификация их может строиться по разным основаниям, а зачастую она становится настолько дробной, что сливается с классификацией реалий» [1, с. 111].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Изд-во «Наука», 1981. – 200 с.
2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2 т. – Т. 1. – М., 2003. – 860, [4] с.

N. Dmitrieva

THE MAIN GROUPS OF WORD-FORMATION PARADIGMS OF ORNITHONYMS

Abstract. The article deals with the groups of typical word-formation paradigms of ornithonyms. It's possible to name twelve groups of them, including groups with zero potential and groups with great quantity of derivatives. The analysis of such groups allows predicting the word-formation potential of different parts of speech.

Key words: word-formation paradigm, ornithonym, word-formation potential, borrowing, word phrases.

УДК 81'373.232.3 (470-25) "16/17"

Зуборева Г.Ф.

НАИМЕНОВАНИЯ МОСКОВСКИХ ЦАРЕЙ XVI-XVII ВВ. (ТИТУЛЯРИЙ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ)*

Аннотация. В статье описаны титулование русских царей эпохи Смутного времени в трудах историографов XVIII-XX веков, правителей и самозванцев Смутного времени в записях современников в зависимости от политической ориентации авторов.

Ключевые слова: самодержец, царь, великий князь, самозванец, титул, правитель, законный правитель.

Отечественная историография традиционно отражает историю личностей (царей, правителей, военачальников, церковных деятелей), не является исключением история Смутного времени.

Рассмотрим в качестве фактически-

смутного времени. Лингвистических работ по титулярию московских правителей изучаемого периода нет. Объектный (территориальный, владетельный) титул в диахроническом аспекте изучали историки С.М. Каштанов, А.Л. Хорошкевич, А.И. Филюшкин [1]. Формированию и функционированию великокняжеского титула посвящены работы А.В. Лаушкина, В.А. Кучкина, М. Агоштон [2]. Специалисты-историки представляют фактический материал с идеологических, социальных, политических, географических позиций, не уделяя внимания происхождению и семантике. Представляет интерес деление титула на «титул притязаний» и «титул обладания» [3]. По нашим наблюдениям, исторический термин «титлатура» (*titulatura*) по отношению к московским правителям

* © Зуборева Г.Ф.